

Библиографические ссылки

1. **Kügel W.** Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens, B. 2. – Shaker Media, Aachen, 2008.
2. **Newman J. O.** Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century Nuremberg. – Baltimore, London, The Johns Hopkins Un. Pr., 1990.
3. **Harsdörffer G. Ph.** Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist: deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. Nachdruck in: Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter, Darmstadt, 1969.
4. **Eco U.** Die Suche nach der vollkommenen Sprache. – München, dtv, 1997.
5. **Hundt M.** «Spracharbeit» im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius und Christian Gueintz. – Berlin/ New York, de Gruyter, 2000.
6. **Rieger S.** Nachwort // Schottelius, Justus Georg. Der schreckliche Sprachkrieg. Horrendum Bellum Grammaticale Teutonum antiquissimorum. – Leipzig, Reclam, 1991.
7. **Dencker K. P.** Poetische Sprachspiele. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. – Stuttgart: Reclam. 2002.
8. **Harsdörffer G. P.** Delitiae Mathematicae et Physicae. Der Mathematischen und Philosophischen Erquickstunden Zweyter Teil. – Nürnberg 1651, Reprint Frankfurt, Keip Verlag, 1990.
9. **Schottelius J. G.** Ausführliche Arbeit von der Teütschen Hautb Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Hautb Sprache Uhrankunft/ Uhraltertuhm/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteutschung/ Jtem die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, Teil I, Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen, Niemeyer, 1967.

Надійшла до редколегії 05.04.11

УДК 811.161.1'373.611

Н. В. Дьячок

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

ЕЩЕ РАЗ О МОДЕЛЯХ МОДИФИКАЦИИ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБ»

Описано моделі модифікації номінатем типу «словосполучення + універб»; розглянуто критерії визначення номінатем взагалі та універбів як реалізацій певних номінатем зокрема; обґрунтовано, що головною мовною одиницею є номінатема, реалізаціями якої, в свою чергу, є словосполучення та універб, а типологія моделей модифікації досліджуваних номінатем залежить від різновидів словосполучень.

Ключові слова: номінатема, універбація, універб, словосполучення, модифікація.

Описаны модели модификации номинатом типа «словосочетание + универб»; рассмотрены критерии определения номинатемы вообще и универбов как реализаций конкретных номинатом в частности; обосновано, что основной языковой единицей является номинатема, реализациями которой, в свою очередь, выступают словосочетание и универб, а типология моделей модификации исследуемых номинатом зависит от эквивалентных универбам разновидностей словосочетаний.

Ключевые слова: номинатема, универбация, универб, словосочетание, модификация.

The article deals with the problem of nominathems of type «word-combination + univerb» modifications' models. Conclusions as for the definite status of nominathems and functional peculiarities of their equivalents and their modification models are given.

Keywords: nominatheme, univerb, word-combination, modification.

Целью данной статьи является формирование корпуса моделей модификации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб» и их анализ. Возможность построения этих моделей демонстрирует существование различных типов преобразования словосочетания в универб.

Термин *универбация* впервые был употреблен К. Бругманном в 1904 году для обозначения звуковых единиц, возникших на основе словосочетаний, внешне цельнооформленных, но не обладающих содержательной изолированностью.

А. В. Исаченко под термином *универбация* ввел в научный обиход понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования.

Со временем значение вышеуказанного термина было сужено до определенного типа преобразования словосочетания в слово, при котором в традиционно называемое производным слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу соотносится со всем мотивирующим словосочетанием.

Таким образом, из первоначального определения А. В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести аффиксальную деривацию и нулевую деривацию, причем с замечанием относительно некорректности термина *нулевая деривация*.

В широком понимании универбация представляется проявлением синтетизма в словообразовании, т. е. выражением «одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов» [1, с. 451]. Сравним: *широкоплечий* и *широкий в плечах*, *барабанить* и *бить в барабан*, *столик* и *маленький стол*, *библиотекарша* и *женщина-библиотекарь* и т. п. При таком рассмотрении универбация включает аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую). И. А. Устименко считает, что универбация – это «практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова» [9, с. 21].

Современное языкознание стремится унифицировать существующие виды преобразования словосочетаний в слова одним термином – *конденсация* (по терминологии В. И. Теркулова – *универбализация*). В. А. Москович [4, с. 78] при этом разделяет конденсацию (универбализацию) на два подтипа:

1) семантическую конденсацию (универбализацию), которая понимается как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [2, с. 123], например: *пятилетнее обучение* – *пятилетка* (универбация), *первый секретарь* – *первый* (эллипсис в сторону зависимого слова), *повышенное давление* – *давление* (эллипсис в сторону главного слова);

2) лексическую конденсацию (универбализацию), которая определяется как стяжение компонентов словосочетания в сложное слово, например: *автомобиль-*

ний сервис – автосервис (аббревиатура), широкий в плечах – широкоплечий (бахувриха), с ума шедший – сумасшедший (юкстапозит), возить воду – водовоз (дериват), искатель золота – золотоискатель (комполит).

Термин *универбаты* впервые используется как предмет обучения в книге Т. Д. Соколовской «Нормативные сокращения в современном русском языке». Под термином *универбаты* понимаются «однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса *-к(а)*, сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящими сложными наименованиями» [6, с. 83]. Сочетания указанной структуры, имеющие характер номинации, легко могут быть «свернуты» в существительные на *-к(а)*, *-ушк(а)* и т. п.: *двухкопеечная монета – двушка*, *девятиэтажный дом – девятиэтажка*, «Комсомольская правда» – «Комсомолка», *маршрутное такси – маршрутка*, *платёжная ведомость – платёжка*, *раскладная кровать – раскладушка*.

Итак, традиционная наука относит ряд образований типа *генералка* (*генеральная репетиция*), *прогрессивка* (*прогрессивная зарплата*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *генеральша* (*жена генерала*) к компрессивному словообразованию (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Я. Янко-Триницкая), другие ученые считают их результатом вторичной номинации (А. А. Брагина), либо рассматривают их как проявление «общего закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования» [5, с. 42], либо называют суффиксальными универбатами (Л. И. Осипова), либо определяют их как один из случаев «лексической конденсации» [2, с. 121]. И. Г. Милославский, например, видит в данной ситуации процесс синтеза словосочетания в производное слово: «...в ряде случаев семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований при различии собственно языковых значений совпадают» [3, с. 53].

Так или иначе все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *зачетная книжка* и *зачетка*, *бытовое помещение* и *бытовка*, *место для ожидания* – *ожидалка*, *жилища*, *подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше* – *подселенка* и т. п.

В связи с этим естественно желание дать единый терминологический эквивалент приведенным словообразовательным процессам и тем единицам, которые в результате этих процессов возникли. В. И. Теркулов, например, рассматривает такие дериваты как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [7, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа «словосочетание + универб», входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами разговорности, сленговости, например *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь ца-*

ря и царева, настойка валерианы и валерьянка, что-либо объемом в триста единиц и трехсотка, заметка информационного характера и информашка. Предложенная В. И. Теркуловым концепция «не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [7, с. 135].

Таким образом, под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы.

Вслед за В. И. Теркуловым, мы считаем, что «классификация универбализационных процессов должна быть настроена на описание механизмов преобразования словосочетания» в универб, так как данные универбы «являются именно структурными дублетами соответствующих им словосочетаний» [8, с. 181]. Учитывая вышесказанное, следует различать два уровня построения классификации процессов эллиптической универбализации.

На первом уровне устанавливается качество конструкторов, участвующих в процессе универбализации, на втором – механизм их сочленения. «При этом необходимо обратить внимание, – пишет В. И. Теркулов, – на то, что данная классификация строится нами не только для аббревиатур, <...> для всех композитов, возникших в результате универбализации» [8, с. 181], но и для эллиптических универбов.

При универбализации, в контексте качества конструкторов, необходимо различать **базовые конструкторы**, реализующие в универбе полнозначные элементы исходных словосочетаний, и **вспомогательные конструкторы**, выполняющие функцию оформления универба.

Универбализация может использовать в качестве базовых конструкторов:

а) усеченную основу реализации зависимого компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *молотил-*, *автоном-*, *кон-* в универбах *молотилка* (*молотильная машина*), *автономка* (*автономное отопление*), *конка* (*конный трамвай*);

б) основу реализации зависимого компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *кожан-*, *ожида-*, *подселен-* в универбах *кожанка* (*кожаная куртка*), *ожидалка* (*место для ожидания транспорта*), *подселенка* (*жилища, подселенная к кому-то, жившему здесь ранее*);

в) суффикс универба, который обычно является реализацией базового компонента словосочетания; таковы, например, конструкторы *-к-*, *-н-*, *-ик-*, *-анин-*, *-анка-*, *-ш-* в универбах *анисовка* (*анисовая водка*), *царевна* (*дочь царя – царева дочь*), *молочник* (*помещение для хранения молока – молочное помещение*), *судакчанин* (*житель Судака*), *горловчанка* (*жительница Горловки*), *генеральша* (*жена генерала*).

«Помимо базовых конструкторов, – утверждает В. И. Теркулов, – в оформлении эллиптического универба «принимают участие и вспомогательные конструкторы, то есть единицы, выполняющие не семантическую, а формальную структуроорганизующую функцию» [8, с. 182] – это интерфиксы или асемантические прокладки, например *л* в универбе *ожидалка*, *ч* в универбе *судакчанин* и т. п.

В связи с вышеуказанными положениями следует отметить синкретичность суффиксов эллиптических универбов. С одной стороны, они выступают, как уже

было отмечено, в качестве базовых конструкторов, а с другой – в качестве вспомогательных конструкторов, оформляя грамматические особенности универбов и их частеречную принадлежность.

В речевой практике появление универбов лимитировано определенными моделями механизмов сочленения компонентов словосочетания в конструкторы этих самых универбов.

В. И. Теркулов предложил общую модель модификации номинатом исследуемого типа: $(A+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где «к словосочетанию $(A+B)$, имеющему значение (X) , прибавляется формант C при опущении компонента B » [8, с. 147]. Данная структурная модель, напомним, не имеет ничего общего с деривационной моделью, поскольку значение (X) левого компонента формулы абсолютно тождественно значению (X) правого компонента этой же формулы.

Типология моделей модификации зависит от разновидности словосочетаний, которые в данном случае определяются по грамматическим характеристикам зависимых слов в каждом из них.

Мы выделяем, по крайней мере, два основных типа, в которых реализуется представленная общая формула.

1. Атрибутивный $(Aatr+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, B – главный компонент словосочетания, C – реляционный формант со значением X , омонимичный деривационному. Данный тип представлен следующими структурными разновидностями:

а) $(Aatr+B)+C/X/ \rightarrow AC/X/$ (*зачетная книжка – зачетка, мобильный телефон – мобильник, мазаная хата – мазанка*);

б) $(B+Aatr/N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/N2/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный именем существительным в форме Р. п. без предлога (*корень валерианы – валерьянка, дочь царя – царевна, дочь попа – поповна, жена попа – попадьа, житель Судака – судакчанин*);

в) $(B+Aatr/prep N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/prep N2/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный именем существительным в форме Р. п. с предлогом (*место для ожидания – ожидалка, место для беседы – беседка, водка на сливах – сливянка*);

г) $(B+Aatr/E/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/E/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный набором элементов:

– $(B+Aatr/N2N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/N2N2/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имен существительных в форме Р. п. без предлога (*ваучер пополнения счета – пополняшка*);

– $(B+Aatr/PartPart/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/PartPart/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный комплексом причастных оборотов (*жилища, подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше – подселенка*);

– $(B+Aatr/prep N2N2/)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где $Aatr/prep N2N2/$ – зависимый атрибутивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имен существительных в форме Р. п. с предлогом (*помещение (в доме) для хранения молока – молочник, фабрика по производству целлюлозы – целлюлозка, завод по производству ликеро-водочной продукции – ликерка*).

2. Субстантивный $(B+Asub)+C/X/ \rightarrow AC/X/$, где B – главный компонент словосочетания, $Asub$ – зависимый субстантивный компонент словосочетания, C – реляционный формант со значением X , омонимичный деривационному. Данный тип представлен следующими структурными разновидностями:

а) $(B+Asub)+C/X/ \rightarrow AC/X/$ (*укладывать асфальт – асфальтировать, петь колядки – колядовать*);

б) (B+Asub/prep N4)/C/X/ → AC/X/, где Asub/prep N4/ – зависимый субстантивный компонент словосочетания, выраженный сочетанием имени существительного в форме В. п. с предлогом (*братъ в жены – жениться, братъ в сыновья – усыновлять, укладывать в скирды – скирдовать*).

Данная классификация не является полной; ее дальнейшее формирование станет перспективой наших исследований.

Таким образом, следует подчеркнуть, что типология моделей модификации исследуемых номинатом зависит от разновидности словосочетаний, которые в данном случае определяются по грамматическим характеристикам зависимых слов в каждом из них, и насчитывает, по крайней мере, два типа с несколькими структурными разновидностями.

Библиографические ссылки

1. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2000. – 686 с.
2. **Кудрявцева Л. А.** Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : Киев. ун-т, 2004. – 208 с.
3. **Милославский И. Г.** Синтез словосочетания и производного слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 53–61.
4. **Москович В. А.** Статистика и семантика / В. А. Москович. – М. : Наука, 1969. – 304 с.
5. **Сидоренко Є. М.** Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / Є. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42–47.
6. **Соколовская Т. Д.** Нормативные сокращения в современном русском языке / Т. Д. Соколовская. – М., 2004. – 154 с.
7. **Теркулов В.И.** Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луган. нац. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.
8. **Теркулов В. И.** Слово и номинатема: Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : ГПШИЯ, 2007. – 240 с.
9. **Устименко И. А.** Ономазиологический аспект семантической конденсации / И. А. Устименко // Лексикология. Семасиология. – Белгород: БелГУ, 2001. – С. 19–25.

Надійшла до редколегії 07.03.11

УДК 811.161.1'374

И. И. Заваруева

*Днепропетровский национальный технический университет
железнодорожного транспорта имени В. Лазаряна*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА В ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЯХ

Проаналізовано словникову статтю в різних видах електронних словників у порівнянні зі словниками традиційного типу (паперовими); розглянуто відмінності лексикографічного портрета слова від звичного словникового опису.

Ключові слова: лексикографія, електронний словник, словникова стаття, лексикографічний портрет слова, дефініція.